

А.Ю. Согомонов

УДК 174

Этическая повестка «цифрового общества»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы моральной трансформации современного «цифрового общества». То, что сегодня происходит в нравственной сфере, в значительной степени актуализировано быстрым и повсеместным распространением цифровых технологий на все стороны жизнедеятельности человека. Пандемия же послужила дополнительным триггером к тотальной цифровизации. Однако этическая рефлексия этой социальной акселерации идет очень медленно. Этика плетется в хвосте общественно-технологических перемен. И поэтому совершенно не готова к новой нравственной реальности. Особенно рельефно этико-рефлексивное отставание заметно на низкой включенности таких глобальных вызовов как «искусственный интеллект» в современный этический дискурс. Последствия же такой а-синхронизации могут быть довольно серьезными и вылиться в новые моральные конфликты.

Ключевые слова: моральная трансформация, цифровое общество, искусственный интеллект, этический дискурс

Вся философия заключается в двух словах: выдерживай и воздерживайся.
Эпиктет (50-138 н.э.)

Бесмысленно сегодня отрицать очевидный факт ускорения социальных и культурных перемен в глобальном мире XXI века. Равно как и глупо закрывать глаза на этот процесс, делая вид, что ничего принципиально нового не происходит: ведь и ранее во всемирной истории случались периоды галопирующих глубинных изменений, когда человеческий разум не в силах был охватить масштабы и последствия происходящих общественных перемен.

Безусловно, так. Но только при одном «но». Отныне *сами перемены* становятся «знаком» и «духом» времени, а точнее: *базовой идеологией прогрессивного развития*. Хотя бы только одно это делает весь наш век исторически неповторимым. Немецкий социолог Гельмут Роза исследовал феномен «социальной акселерации» и пришел к выводу о необходимости новой теории модернизации, которая отвечала бы вызовам и задачам наступившего столетия [3]. Возможно, само это историческое время еще и не наступило. Но мы, очевидно, движемся в направлении кардинального обновления гло-

бальной цивилизации и изобретения революционных способов ее познания.

Этическая рефлексия «века акселерации» идет крайне вяло. Философская мысль плетется в хвосте внешних перемен, с трудом улавливает новые тренды и в лучшем случае встраивается в рамки социокультурной динамики со своими слегка модифицированными, но, похоже, порядком устаревшими взглядами и концепциями. «Акселерация» же, между тем, требует не только обновления этико-философского багажа, но и признания того, что моральное сознание и нравственное поведение по факту изменяются быстрее и по непредсказуемому для классической этической теории сценарию.

Для философа встроиться в бурный поток перемен и предложить новую повестку отныне означает, прежде всего, проявить внутреннюю способность и готовность к последовательной этической трансформации. Увидеть мир другими глазами, перестать навязывать ему старые шаблоны и мерки. Не полагаться только на эвристические возможности простой аппликации философской этики к меняющимся обстоятельствам. В противном случае, нас ожидает нравственный коллапс и наступление эпохи конкурирующего сосуществования разных этик, в том числе прикладных, профессиональных и корпоративных, с *новыми окнами возможностей для людей в плане моральной мобильности* от одной локальной этики к другой без принятия каких-либо долгосрочных нравственных обязательств.

Оба сценария нравственного развития мира – равновероятны. И для того, чтобы понять природу предстоящей этической трансформации, обратимся к самому показательному, с этой точки зрения, нравственному опыту античного человека в преддверии новой христианской эры. И то отдаленное от нас время, и актуальное настоящее были чрезвычайно похожими, но все-таки следует воздержаться от большого искушения отождествить их социокультурные смыслы. Тем не менее аналитическое сравнение того, как происходила этическая трансформация на заре новой эры и как она может развиваться сегодня, подскажет нам интересные познавательные «ходы» для того, чтобы лучше разобраться в этических инновациях текущего «века акселерации».

Этическая трансформация 1.0: открытие морали

Эпоха, в которой жил, мыслил и учительствовал великий стоик поздней античности Эпиктет, была, действительно, на редкость похожа с нашей. Как и сегодня, римское общество зрелого принципата становилось для простых римлян непривычно массовым и гипертрофированно свободным, общинные формы общежития и нравственные устои уступали место имперским порядкам - сложноиерархич-

ным, непрозрачным и нравственно распутным. Разобраться в них было крайне непросто: власть предельно дистанцировалась от простых граждан, а манипулятивная публичная коммуникация властвующих элит подменяла собой собственно политику. И тогда, и сейчас человек жил скорее в контекстах постправды, фейков и троллинга (если воспользоваться сегодняшним медийным новоязом), чем в сообществе равных ему субъектов, ищущих нравственную истину и познающих подлинные смыслы бытия.

Естественно, что и политическая этика разлагалась под влиянием всеобщей коррупции, вседозволенности и лжи. Традиционный нравственный регламент и представления о добродетельной жизни были отвергнуты и воспринимались римлянами не более чем безвозвратно оставшимися в славном прошлом культурными архаизмами. Человек ощущал себя тотально одиноким в тогдашней шумной жизни больших городов, переросших все мыслимые и немыслимые границы стандартных и обозримых умом полисов. На философской повестке дня стоял один главный вопрос: к каким этическим берегам причалить запутавшемуся в том сложном мире обычному человеку?

Одни публичные лидеры, рассуждая вслух, проповедовали возврат к нравам предков, другие – абсолютно не верили в саму возможность поворота исторического времени и учили тому, как этически выжить атомарной личности в кардинально обновленной реальности и достойно прожить уготованный ей судьбою отрезок времени. *Выжить надлежало именно этически*, поскольку новые условия и понимание добродетельной жизни основывались уже не на традиции (и нравах), а на сознательном выборе некой одной из господствующих в то время этических теорий. Трансферты от одной жизненной философии к другой при этом отнюдь не возбранялись. Да и в целом доктрина добродетельной жизни перенималась людьми отныне не «по наследству» от старших поколений к младшим, а индивидуальным желанием и волевым усилием свободного разума – *рациональным выбором*.

В каком направлении в ту эпоху историческая судьба «вела» всех римлян – неведомо никому, даже выдающимся умам империи. Заглянуть в будущее невозможно по причине прежде всего непрозрачного настоящего, но и не в последнюю очередь в силу отсутствия исторического опыта подобных революционных перемен. Жить приходилось в условиях непредсказуемости и невнятности социального времени. И поэтому неслучайно любая яркая и вброшенная в публичное пространство философско-этическая идея привлекала к себе внимание людей и быстро находила сторонников, а стройное

учение тем более обрастало толпами горячих поклонников. Поразительное *deja vu* культурной динамике нашего времени, не правда ли?

Дохристианский Рим в начале новой эры был не только центром обозримой ойкумены, сосредоточием высшей светской и сакральной власти, но и точкой пересечения всех известных в то время религиозно-нравственных трендов. Все они проявлялись в публичном пространстве исключительно в конкурентной борьбе друг с другом за умы и эмоции людей. Однако, пожалуй, только одним стоикам историей была уготована роль стать самыми влиятельными и популярными, а в конечном итоге и наиболее известными нравственными учителями своего времени. Лишь стоицизму удалось закрепиться на передовых позициях в мировой этической культуре на долгие столетия вперед. Так, Возрождение и раннее Новое время – после несколько затянувшейся временной паузы на средневековый обскурантизм – вновь вернули стоицизму по праву принадлежащий ему статус общепризнанного лидера в большом мировом семействе глобальной этической культуры и включили его идеи в современную систему нравственного воспитания. В этом смысле стоицизм удивительным образом оказался вне времени и пространства.

Вдохновленные мыслями древних стоиков тысячи политиков, творческих лиц и видных общественных деятелей уже нашей современной цивилизации Новейшего времени исповедовали стоические ценности и идеалы, в соответствии с ними выстраивая свои приватно-публичные биографии. Мимо стоицизма не прошли равнодушно Толстой и Ганди, Рузвельт и Тэтчер, Сахаров и Швейцер и другие персонифицированные символы эпохи простого Модерна. Многие из них, возможно, и не отдавая себе отчета в том, что придерживались базовых нравственных правил стоицизма, но по факту своих биографий были истинными стоиками. Их образы жизни и публичная риторика были весьма различными, но если поискать в них некий общий культурно-нравственный знаменатель, то несложно будет обнаружить у них устойчивое внутреннее тяготение к жизненной линии, отраженной в общеизвестной формуле, ошибочно приписываемой позднему стоику – римскому императору Марку Аврелию. Скорее всего, она в русской традиции была сформулирована графом Толстым, точнее, переведена им с французского языка. «Делай, что должно, и пусть будет, что будет!» Но, ведь, и поныне рефлексирующие люди признаются самим себе и своему окружению в том, что живут именно согласно этой формуле жизненно-нравственного успеха. В чем же тогда секрет стоицизма, если вообще он существует?

Собственно говоря, как мне кажется, секрета никакого и нет. *Стоицизм - религия кризисов* (гипотеза принадлежит А.А. Столяро-

ву). Это - простое и очень точное определение, которое, возможно, не вполне системно, но все же постигает суть стоической нравственной мудрости и ее внеисторическую привлекательность для «потерявшегося» во времени и пространстве человека. Очевидно, что только с помощью этой гипотезы можно объяснить удивительную свежесть древних стоических текстов для восприятия у самых дальних потомков. Даже христианство в свое время многое заимствовало именно у стоиков, на что, кстати, справедливо обращал внимание Ф. Энгельс. В известной степени вся раннехристианская философия была развитием и своеобразным ответом языческому стоицизму.

Общественные потрясения, катастрофы, глубинные перемены, масштабные преобразования – подобные «бедствия» во все века переживались людьми как культурные разрывы исторического времени (особенно последние пять столетий) и неизменно направляли человеческие души для спасения именно к стоико-этическим берегам. Философская истина и нравственная мудрость. Жизненная умеренность и бесстрастность. Сдержанное отношение ко всему внешнему и, тем более, преходящему. Список этических «откровений» стоиков можно составлять до бесконечности, но очевидно, что мы все-таки получим весьма узнаваемый набор принципов и ценностей, до боли знакомых каждому, кому приходилось в самые непростые времена *обрести самого себя и удержаться в этом моральном стоянии.*

Постоянный возврат человечества к стоицизму не означает вневременной стабильности этических декораций. Но все же философско-этическое утешение, которое предлагает современному человеку античный стоицизм, строится на идее фундаментального и мало переменчивого человека, общества, власти, морального выбора и жизненных траекторий людей в целом. Потому совершенно логичен возврат современного человека к стоическим рецептам добродетельной жизни. Впрочем, следует помнить, что стоическая философия ориентирована отнюдь не на большие и разнородные сообщества, а на социально одинокую, но при этом сильную личность, психологически устойчивую, ментально хорошо подготовленную и способную к постижению истины. Возможно, именно поэтому стоицизм более популярен в среде сильных духом политиков, бизнесменов, деятелей искусства и общественных лидеров. В гораздо меньшей степени он распространен в народных массах.

Стоическая личность – особая модель в большом пуле исторических разновидностей индивидуализма. Она чрезмерно философична, медитативна, космополитична и до определенной степени даже асоциальна. Стоический индивидуализм имеет мало общего, к примеру, с современным либеральным индивидуализмом Нового

времени, который был в свою очередь ориентирован, прежде всего, на свободу, закрепленную в институтах прав человека. Стоический индивидуализм - больше о свободе духа и мысли и даже об относительной автономности стоического духа от физического тела.

Почему же тогда он не утратил популярности в век либерализма? Версий ответа на этот фундаментальный вопрос может быть много, все они будут достоверными и аргументированными. Ведь, по большому счету, этот вопрос можно поставить таким образом: откуда у человека тяга к этической рефлексии и желание прожить нравственно достойную жизнь? Очевидна одна констатация: для воплощения в жизнь этого базового мотива недостаточно простого и наивно-нравственного здравого смысла, что древние греки предпочитали обозначать многозначительным словом «рассудительность» (*sophrosyne*). Необходимо понимание и осознанное принятие этоса надсоциальной справедливости. То есть умение совершать *выбор в пользу морали*.

Выбор такой по природе своей всегда будет *рациональным*. И поэтому он нуждается в фундаментальных знаниях, навыках управления самим собой и другими людьми, таланте рассуждать открыто и честно, способности выносить бесстрашные приватные и публичные суждения. Таким образом, переосмыслив на рубеже эпох глубочайший кризис традиционных нравов и устоев, древним стоикам удалось приоткрыть завесу тайны «морального» в сложном и непрозрачном обществе, хотя сами они этим понятием и не пользовались. Благодаря именно этому «открытию» они стали привлекательными для всех последующих эпох.

Можно сказать, что стоический человек обладал тремя этическими компетенциями: познал суть морального и превратил его в рациональное знание, отделив от интуитивной мудрости и ритуала. Мир вокруг себя и мир внутри себя он сбалансировал особыми когнитивными навыками, например, умением различать вещи, на которые человек может повлиять, и которые не доступны его желанию и воли. И наконец, он придал этическим словам и цельной моральной речи логотерапевтический статус, уверовав в его деятельный потенциал для того, чтобы человеку меняться самому и менять мир вокруг себя. Для этого стоическому человеку не было надобности ни в культурных традициях, ни, тем более, в стимулах, идущих к нему извне, то есть от конкретного социума или религиозного сообщества. Древний стоик – космополит-одинок.

Конечно же, стоический человек в буквальном смысле не одинок, он не анахорет и уж тем более, не аскет, но – абсолютно автономен как самодостаточный нравственный субъект. Стоический че-

ловец, как правило, не принимает привычной социальной матрицы, а мыслит и действует сообразно природе и своему космополитическому мировоззрению. Он не высокомерен, но и не лишен некоторой надменности к ценностям и нравам толпы. Он целиком и полностью полагается на свой разум и способность совершать рациональные выборы. Расхожие поведенческие кодексы он подменил благоразумностью. А смысл жизни видел в нравственном достоинстве и символизме каждого момента ее проживания. Посему быть стоиком дано лишь избранным. И этот вполне логический рациональный элитизм стоицизма привлекал к себе внимание «единиц», естественно отталкивая массы. Философия стоицизма отнюдь не для общего потребления.

Только избранный круг людей стоицизм приближает к познанию сути нравственного субъекта и морального долга, одновременно предоставляя им уникальную возможность закрыться в своем моральном микромире и дистанцироваться от масс - непросвещенных и непосвященных в этическое таинство. И если все-таки принять гипотезу Столярова о том, что стоицизм – религия кризисов, точнее, было бы отметить, что стоицизм – скорее, «этическая секта» эпохи кризисов и глобальных перемен. Сам феномен «религия» даже в переносном смысле предполагает все-таки известный эгалитаризм и равнодоступность людей к себе.

Только «единицам» стоический нравственный характер будет посилам и потому станет самоценным. Поскольку только им на практике доступен стоический баланс мысли, мудрости и образа жизни. Вообще, стремление гармонизировать теорию и практику на собственном примере является особенностью всей античной этики – от софистов и Сократа, до мастеров эллинистическо-римской мысли. Истина постигалась через этот баланс. И когда он нарушался в ту или иную сторону, у публики возникало немало вопросов к «хранителю» сего нравственного слова, что, в частности, произошло с Сенекой, чей образ жизни, мягко говоря, плохо корреспондировал его нравственной философии.

От стоика же требовалось следование линии жизни, выстроенной в логике, повторяя слова Эпиктета «выдерживай и воздерживайся». Следует стойко выдерживать все внешние трудности, которые обрушиваются на человека, и ко всему, что бы ни случилось, относиться спокойно. Эпиктет полагал, что к свободе ведет лишь одна дорога: «презрение к тому, что не зависит от нас». Воздерживаться надлежит от любых проявлений страстей, памятуя о том, что человеку принадлежат только его разум и душа, но не тело. Эпиктет говорит: «Возьмите мое тело, мое имущество, мою честь, мою семью, —

но мысли моей и воли никто не может у меня отнять, как и ничто не в силах их подавить». Он призывает своих последователей стремиться к высокой и амбициозной биографической планке - «хотя ты еще не Сократ, но должен, однако, жить как человек, желающий стать Сократом».

Стоицизм ознаменовал собой крутой разворот в истории западной цивилизации. Свобода была возведена в ранг возделенной жизненной цели. Брутальные нравы предков забыты. Эмоции и нравственные чувства отменены в сторону, а на передний план был выведен *ум и его воля к нравственно-философской истине*. Вполне можно назвать это событие в эволюции этики революционным, ибо именно с него начинается отсчет исторического времени рациональной морали.

Этическая трансформация 2.0: мораль в зазеркалье

Закат рациональной морали образца простого Модерна происходит буквально на глазах, причем по всем «законам» научно-фантастического жанра. Вполне осязаемый ранее планетарный объект (мораль) поглощается «черной дырой» неизвестного происхождения (интернет). Этика долга, любимое детище философии Просвещения, не просто трансформируется в нечто невразумительное и малоприметное в общественной жизни, но полностью аннигилируется подобно тому, как скрывается солнце во время полного затмения. Ночь, казалось бы, еще не наступила, но светило скрыто как видимый объект. И главный вопрос, который по-прежнему мучает нас: ждать ли его очередного выхода из тени? Или, что вероятнее всего, нынешний закат этики долга - финальный и он оставляет нас без надежд на ее очередное восхождение.

Жиль Липовецкий на заре постмодернистской эпохи использовал весьма похожую метафору в своем знаменитом манифесте-предупреждении «Сумерки долга» [2]. В этой книге французский философ рассуждает о моральных метаморфозах на исходе прошлого века. Он напрямую не говорит о «конце морали», но прозрачно намекает на нечто подобное этому диагнозу, увязывая его с наступлением эры *нового индивидуализма* высокого Модерна. Мода, сети, нравы и этика потребительского общества синхронизируют радикальные перемены в поведении людей, в том числе и как они воспринимаются друг другом со стороны. Из этической сферы полностью вытравлены идеи нравственной жертвенности, сознательного выбора в пользу обязательного и необходимого, как и многое другое, что ранее включалось в «святую святых» классической этики. Рациональная мораль неизбежно корродирует под давлением этического плюрализма, лениности нравственного сознания, гиперэмоциональности, политической

корректности и, в результате, разрушается во множественных ситуационных контекстах. Картина неприглядная, но, похоже, очень реалистическая.

Рациональная мораль Нового времени, вобравшая в себя как христианскую, так и языческую античную традицию, *системное нравственное знание поместила в центр этической вселенной*. Интуиция и чувства обретали в ней нравственный смысл через знание и становились поведенческими факторами именно благодаря ему и вытекающей из него этической рефлексии. Высокий Модерн разрывает эту логическую цепочку, усомнившись в философской обоснованности и адекватности подобной нравственной эпистемологии. И, как следствие, преобразует когнитивный статус морали из устойчивого в релятивный. Точнее сказать, мыслители высокого Модерна нравственную «episteme» (знание) заменили нравственной «doxa» (суждением/мнением). И тем самым открыли дорогу этическому плюрализму и возможности опираться на интерпретации множественных смыслов в повседневной жизни (феномен мультиморальности). Моральная истина не существует вне универсализма этики долга, а нравственная «правда» позволяет людям выбирать свои биографические стратегии и совершать каждодневные выборы на основе гипер-индивидуализированных оценок и вердиктов. Нравственное суждение побороло рациональное знание.

Морально-этическая трансгрессия постмодернистской мысли *стирает непроходимые границы между возможным и невозможным*, а разумному субъекту позволяет выйти за пределы рациональной морали в пространство этической неопределенности, невнятности и непрозрачности. Этот переход нагляднее всего проявлен в публичных дискуссиях, связанных с углублением процессов всеобщей цифровизации, изобретением искусственного интеллекта и усилением всепроникающего характера открытых и больших данных.

Можно ли «приложить» этическое измерение к проблемам цифрового пространства, если в соответствии с постмодернистской логикой «добро и зло» у всех людей разное, а виртуальное «добро и зло» тем более – сюжет абсолютно запутанный и никоим образом не продуманный и не прописанный? Да и вообще: так ли должна быть сформулирована базовая моральная дилемма общества знания?

Поскольку разные интеллектуальные представления о «добре и зле» в высоком Модерне сосуществуют (они, собственно, и порождают социальную объективацию нравственного поведения), то мы вправе говорить о торжестве ситуативного и контекстуально зависящего этического знания, по сути постулируя «конец» морального универсализма. В этом смысле цифровая этика, если таковую и можно

будет когда-то сконструировать, обретет какое-либо значение лишь для участников виртуальной интеракции, следовательно станет очередной разновидностью прикладной этики, причем достаточно специфического и узколокального значения и «приложения».

Именно так рассуждают представители нового поколения активных участников онлайн взаимодействия, обманывая при этом себя и вводя в заблуждение других. Цифровая этика – куда масштабнее ее сугубо прикладного значения. Она, по сути своей, осуществляет *выход человека в параллельный мир экзоморали*. Сохраняет лишь внешнее сходство с рациональной моралью, открытой стоиками и законсервированной на многие поколения просветителями XVIII века и в первую очередь Кантом. Но по глубинным смыслам и своей телеологии она есть нечто совершенно «чуждое» и современной цивилизации, и современному человеку.

Дело в том, что наш цифровой мир не является прямым продолжением и логическим развитием мира офф-лайна, хоть и социогенетически к нему восходит. Удивительным образом это – новая вселенная, изобретенная живыми людьми, не получившая по наследству того разнообразия ценностей, норм и правил игры, которые существовали в обществе простого Модерна. Напротив, она создает поистине уникальный этос, аналогов которому не найти во всей мировой истории. Но то, каким образом осуществляется сегодня эта этическая трансформация, делает наше время весьма похожим с эпохой зарождения морали в поздней античности.

Цифровая этика (digital ethics). Этот термин вполне прижился в научной литературе и широко используется в публичном дискурсе, постепенно выкристаллизовываясь в цифровом мире как *этика отраженного мира*, по сути – мира альтернативного. Обратим внимание, цифровая этика – это не какой-то малозначимый квазиэтический «довесок» к богатой и разнообразной нравственной жизни по эту сторону персонального дисплея человека. И конечно же, – не жесткая регламентация закрытого нравственного мира, навязанная кем-то извне. Цифровая этика – это автономная сфера морали, открытая для входа и выхода свободных субъектов. Она порождает бесконечное множество казусов для этической рефлексии. И уже изначально выстроена вокруг новых возможностей для человека, его свободы и самореализации. Казалось бы, виртуальный мир – чисто инструментальный и внешний, однако время показало, что он создал для человека окно удивительных возможностей альтернативной жизни, осуществляемой по своим законам и правилам. *И равно как цифровой мир стал удвоением реальности, так и цифровая этика превращается в закрытый и автономный мир альтернативной морали.*

Сегодняшняя морально-этическая повестка пронизана именно этим сложившимся за последние десятилетия *параллелизмом миров*. Переходы из одного мира в другой и обратно стали каждодневными, обыденными и совершенно незаметными для всех нас, кто регулярно пересекает эти воображаемые границы. Разумеется, использование понятий «граница» и «пересечение» - в данном случае весьма условное. И пожалуй, ничего общего не имеет с их классическим употреблением. Хотя мне могут возразить, что и территориальные границы, и переходы через них становятся ныне сущим пустяком, и мы все меньше обращаем на них внимание. В трансграничной мобильности жизнь для миллионов землян стала естественной и нормальной. Но все-таки традиционное физическое присутствие границ в нашей жизни примиряет массовое сознание с фактом необходимой трансгрессии. Однако и пересечение виртуальных границ такая же по сути своей трансграничная мобильность, но мы её уже не замечаем. Человеку достаточно одного лишь воображения, чтобы представить себе эти условные границы и не менее условные их переходы. Жизнь и поведение в обоих мирах регулируются разными нормами и подчинены разным мотивам. Даже если преодоление границ между ними упрощено, переход из одного ценностного мира в параллельный всегда довольно чувствителен.

Кроме того, в виртуальном мире нарушены привычные статусы и роли, к чему человечество привыкло за последние два-три столетия и адаптировало под них свои этические теории. Но главное – в нем преодолено классическое противопоставление «производителя» и «потребителя». Еще более полувека назад на это обратил внимание М. МакКлюэн, сам же термин 'prosumer' был предложен Элвином Тоффлером в книге «Третья волна»; в нем легко прочитывается аналитический синтез обоих общественных положений человека [1]. Работа в удаленном офисе, потребительский журнализм, краудсорсинг, самореклама, социальные сети, дистанционные услуги и практики и многое другое – не просто технологические инновации, а громадный вызов для всей современной цивилизации. Размываются границы между привычными для современности крайностями (по типу: работа-досуг, свобода-неволя, гарантии-неопределенность), что собственно элиминирует буквально все социальные детерминанты рациональной морали. И в условиях предельно ослабленного влияния церкви и политических идеологий на массовое потребительское общество превращает эту мораль по всем своим существенным характеристикам в «*прекариатную*», то есть гибкую, контекстуальную, плюралистическую, рефлексивную и ad hoc смысловую. Для носителя «прекариатной» морали «добро и зло», конечно же, категории аб-

солютно нерелевантные и посему сугубо относительные. Впрочем, не меньшие метаморфозы происходят с нравственным субъектом. Туманные очертания приобретает как само понятие, так и его референциальная природа. Параллельно тому, как меняется социобиологическая природа человека, одновременно и небиологические сущности включаются в обновленную нравственную интеракцию. И что есть сегодня нравственный субъект – вопрос не праздный и отнюдь не простой.

Postscriptum: станет ли искусственный интеллект моральным субъектом?

Крайне показательно, каким образом недавно была предпринята первая серьезная попытка обрисовать морально-этическую рамку для постоянно набирающего силу искусственного интеллекта (<https://style.rbc.ru/life/5e5920e99a7947549882db43>). Поразительно то, что сама эта попытка стала итогом длительного и плодотворного этического сотрудничества Ватикана и крупнейших ИТ-компаний мира. Римский понтифик, не замеченный ранее в интересе к технологиям, внезапно озаботился этической стороной их прогрессирующего развития. Он предвидит разные сценарные возможности ИТ-будущего и отнюдь не исключает ситуации «нового варварства», то есть, согласно его мысли, торжества права сильнейшего над общей пользой.

Уже в сентябре 2019 года на конференции «Общее благо в эпоху цифровых технологий» в открытой проповеди Папа Франциск продемонстрировал миру свою глубокую погруженность в проблематику и философско-теологическую озабоченность новыми вызовами. Его риторика не была консервативной, напротив, он выступил сторонником прогресса, но при этом призвал к серьезным дискуссиям в связи с растущим присутствием искусственного интеллекта во всех сферах жизнедеятельности человека. Его главный посыл сводился к утверждению того, что в мире сложился хрупкий баланс «фундаментального параллелизма»: между преимуществами технологий и этическими принципами, на которых будет удерживаться цивилизация будущих возможностей.

Итогом первого раунда дискуссий стала беспрецедентная во всей истории римско-католической церкви этическая инструкция к применению искусственного интеллекта, обнародованная зимой 2020 г. Ее цель: цифровые инновации и прогресс должны служить «гению и творчеству человека», а не вытеснять их постепенно и, возможно, необратимо. Составленный авторами шортлист этических принципов, которые католическая церковь предлагает учитывать при распространении искусственного интеллекта, был не многосложным.

Он включал в себя несколько пунктов: (1) прозрачность (искусственный интеллект должен быть доступен для понимания); (2) инклюзивность (все человечество должно извлекать пользу, а не только «избранные»; необходимо учитывать все интересы и создавать равные возможности); (3) ответственность (креаторы обязаны действовать ответственно и транспарентно); (4) беспристрастность (создатели идей и технологи должны поступать во всем непредвзято и в интересах справедливости, сохраняя достоинство человека); (5) надежность; (6) безопасность; (7) конфиденциальность (личным данным людей должна быть гарантирована конфиденциальность).

Авторы инструкции, по всей видимости, исходили из того, что декларация подобного свойства и формулировка краткого списка принципов может стать достаточным этическим основанием и, выражаясь их же языком, поспособствует выработке «фундаментальных элементов» и понимания «полезных инноваций». По сути ватиканский текст есть ничто иное, как попытка этически «сбалансировать» технологический прогресс опорой на общепринятые нормы и ценности морали. Именно так римско-католическая церковь и определила для себя смысл всей совместной с ИТ-гигантами этической коллаборации. При этом если для компаний целью была их большая легитимация и повышение доверия глобального сообщества к их коммерческой деятельности, то для Ватикана – демонстрация своих властно-идеологических возможностей, готовность и способность по старинке принуждать людей к интеллектуальному порядку и действиям сообразно цивилизационным рестрикциям, в основе которых христианская трактовка моральной справедливости и гения человека.

Очевидно, что подобными призывами никоим образом не решается фундаментальный вопрос о моральном статусе искусственного интеллекта. В лучшем случае мы получаем манифест ожиданий, но даже не декларацию намеренности элит. Проблема упирается в философское признание *автономности искусственного интеллекта* и его статуса в качестве *самостоятельного морального субъекта*.

Я мог бы опустить сейчас вопрос о том, можно ли это обеспечить чистым программированием. Если мы допускаем, что *moral education* есть способ передачи рационального морального знания будущим поколениям, то почему нельзя это сделать и в отношении искусственного интеллекта? Полагаю, что технологически можно *любое моральное знание перевести в цифру*, а это спровоцирует в высоком обществе новаторов и политиков не только серьезные опасения, но и самую что ни на есть моральную панику.

Мне кажется, что нас пугает не столько способность искусственного интеллекта мыслить за человека, принимать за него важные

решения и даже отчасти властвовать над ним, сколько потенциальное уравнивание искусственного интеллекта с самим венцом божественного творения. До сегодняшнего дня только человек в процессе познания способен был приблизиться к таинству морали. К той самой «тайне», которую умело сконструировали стоики на исходе античной цивилизации, и которую мы безуспешно пытаемся раскрыть почти две тысячи лет.

Сегодня страх перед возможной *де-мистификацией морали* искусственным интеллектом, причем в самом ближайшем будущем, обращает нас вновь к трансцендентальным сущностям, изобретенным универсальной цивилизацией. Мы готовы больше довериться иррациональному знанию и – что, пожалуй, самое главное – склоняемся к деконструкции идеи прогресса вообще и нравственного прогресса, в частности. Это уже не первый раз происходит во всемирной истории. Но сейчас этическая трансформация порождена внешними по отношению к эволюции человека обстоятельствами и способна подтолкнуть мир к необдуманным решениям, более того – к катастрофическим по своим последствиям глобальным действиям.

Таким образом, этическая трансформация 2.0, предлагая человеку пренебречь культивируемой столетиями рациональной моралью, не создает новых позитивных образцов и не прорисовывает ясных моделей нравственного поведения подобно тому, как две тысяч лет назад поступили античные стоики. Цифровая мораль, говоря языком Бодрийяра, есть величайший этический симулякр высокого Модерна. Она иронична и полна скепсиса к прошлому нравственному опыту человечества. По отношению к субъекту действия она не выступает ни в консультационном, ни в экспертном качестве. Не дает рекомендаций, не навязывает императивов. И лишь предлагает возможность множественных перформансов альтернативной жизни. Пусть даже исключительно в виртуальном мире, но без особых обязательств и ответственности, полагаясь лишь на актерский талант и «зрелость» морального сознания современного человека. А также его способность к самоцензуре и готовность примерять на себе разные этические роли.

Похоже, с таким непривычным для нашей цивилизации положением дел в нравственной сфере в будущем нам всем придется смириться. Хотя, конечно же, пока еще сохраняется небольшая «форточка» возможности возвращения к моральному универсализму просвещенного Модерна.

Но как бы и она не захлопнулась незаметным для нас образом.

Список литературы

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2009 (1980).
2. Lipovetsky G. Le Crépuscule du devoir: l'éthique indolore des nouveaux temps démocratiques, Paris, Gallimard, 1992.
3. Rosa H. Social Acceleration. A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2013.